

В. С. ШмаковИнститут философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: shmakov@philosophy.nsc.ru**МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: ОТ ТРАДИЦИИ К ГЛОБАЛИЗМУ ***

Распад социалистической системы послужил исходным пунктом развития постсоветских обществ, а принадлежность всех постсоветских государств к одному типу общества (советскому) породила, во-первых, общие черты институционального устройства, а во-вторых, проблемы, связанные с его изменением. Каждая из постсоциалистических стран, при определенных общих трансформационных закономерностях, все значительнее различается по опыту, скорости и последовательности проведения рыночных реформ. В каждой из стран с переходной экономикой объективно вырабатываются свои теоретико-методологические подходы к рыночным преобразованиям и построению рыночной модели экономического развития, исходя из постулатов рыночного саморегулирования или же адаптированной модернизации экономики.

С нашей точки зрения, исследование, ставящее перед собой целью комплексный анализ процессов социального реформирования постсоветских государств, как на макроуровне трансформаций, так и на микроуровне, меняющейся по своим формам и элементному составу системы социального взаимодействия институтов и субъектов, – должно быть полипарадигмальным и объединять несколько научно-исследовательских парадигм, каждая из которых позволяет изучить различные аспекты исследуемого феномена системной трансформации постсоветских обществ. Конечный выбор методов исследования и принципов их сочетания детерминирует-

ся исследовательскими целями и задачами. Предпочтение, конечно, остается за концептуальными схемами, объясняющими сущность, направленность процессов в контексте глобальных мировых изменений и специфику их протекания в различных странах.

В конце XX в. мировая экономика обретает новое качество: важнейшей формой и одновременно новым этапом хозяйственной жизни становится глобализация, охватывающая важнейшие процессы социально-экономического развития стран Запада, способствуя ускорению экономического роста и модернизации. Принято считать, что основными объективными причинами глобализации являются, во-первых, информационная революция, дающая новые средства коммуникации, вместе с ними новые возможности для взаимодействия мировой экономики; во-вторых, либерализм как идеологическое основание для глобализующегося мира.

Полагается, что глобализация есть объективный процесс формирования новой глобальной системы, в основе которой лежат углубляющиеся связи и зависимости международного сообщества во всех сферах общественной жизни. Очевидно, что идет процесс перерастания национальных и региональных рамок развития стран мира, процесс трансформации национальных экономик в направлении формирования «мирэкономки» (термин Валлерстайна), которая захватывает все сферы жизни человечества.

Это очень широкое толкование глобализации. Но в самом общем виде такое определе-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 07-03-90311а/Б. «Социальные проблемы развития трансформационных процессов в контексте глобализации: Россия–Беларусь»).

ние объясняет ее основную суть и позволяет подвести под нее любое общественное явление современности. Большое разнообразие теорий глобализации обусловлено не только различием методологических основ, но и противоречивостью происходящих социально-экономических изменений и, естественно, противоречивостью протекания этих процессов. Таким образом, если в широком смысле глобализация охватывает весь исторический процесс развития человечества, то в узком смысле слова она протекает достаточно конкретно в разных регионах мира.

Так, например, наши социологические исследования, проводимые на территории Сибири, в республиках Казахстан и Беларусь, показывают, что в процессе приобщения стран бывшего СССР к мировой экономике, одновременно с процессами модернизации идут процессы архаизации системы социальных отношений (подробнее см.: [Шмаков, 2006. С. 109–110]).

Эта противоречивость связана, прежде всего, с неравномерностью развития не только различных стран мира, но и отдельных регионов. Мир давно поделен на «центр» и «периферию», но это не отменяет и их внутреннюю неоднородность.

Определяющим фактором глобализации является социально-экономическая модернизация как доминирующая тенденция развития общества, системный процесс выравнивания развивающегося мира и трансформации всей мировой системы.

Взаимосвязь и взаимозависимость модернизации и глобализации дает возможность определить глобализацию как системный процесс, который носит необратимый характер, затрагивает все стороны общественной жизни, способствует решению глобальных вопросов современности, развитию межкультурной коммуникации и межкультурного диалога. При этом, с нашей точки зрения, открытым остается вопрос о сохранении национальной природы и самобытности культур народов мира. В качестве оснований, на которых строилась теория модернизации, можно было бы указать работы практически всех классиков социологии, так как почти все они в той или иной мере затрагивали этот вопрос – идея трех стадий в развитии человечества О. Конта, исторический материализм К. Маркса, «рационализация» М. Вебера, «абстракт-

ция» Г. Зиммеля, «общность» и «общество» Ф. Тенниса, переход от «механической» к «органической солидарности» Э. Дюркгейма, обсуждение роли «социальной дифференциации» у Т. Парсонса и др.

Анализ общественного развития в рамках предлагаемой цивилизационным подходом дихотомии «вызов/ответ», позволяет интерпретировать развитие любого общества с точки зрения вызовов, с которыми оно сталкивается. Применительно к постсоветским обществам на современном этапе развития это, прежде всего, глобальные вызовы Запада, представляющие как вызовы современности прошлому и определяющие то внешнее воздействие, которое способно создать в постсоветских странах внутренний импульс собственного развития, выливающийся в те или иные формы модернизации. С такой точки зрения использование термина «догоняющая» модернизация к странам постсоветского пространства является ответом постсоветских обществ на влияние глобализирующегося мира. Ответ, с одной стороны, выражается в стремлении этих обществ измениться в сторону приближения своей экономики, политики, культуры к западному миру, а с другой – он обусловлен всей спецификой цивилизационного, социокультурного развития постсоветских государств.

Таким образом, «цивилизационный подход» смыкается с теорией модернизации, что позволяет, в частности, рассматривать российскую историю в контексте мировой, а особенности «догоняющего развития» объяснять социокультурной спецификой развивающихся стран.

В соответствии с теорией модернизации, постсоветские социумы, как и любое общество, в том числе и традиционное, движутся к развитым рыночным экономическим формам и демократическим принципам политического устройства общества, к господству либеральных ценностей, заменяющих собой ценности традиционные. Ученые при этом отмечают, что посткоммунистические общества переживают состояние аномии, т. е. отсутствия норм или их рассогласование (см.: [Дарендорф, 1994]).

В такой ситуации, характеризующейся поляризацией общества, социальные признанные значения рассредоточиваются по разным социальным слоям, формируя противостоящие друг другу реальности и отсутствие

общих ценностей. Таким образом, рассматривая нашу современную историю в контексте теории модернизации, мы акцентируем внимание на процессе перехода от закрытой структуры «традиционного» (патриархального, неразвитого) общества к включению в глобализованную структуру современности (переход к обществам современным, либеральным, развитым) и получаем возможность изучить непосредственное влияние реформ, т. е. «вызовов» на изменения внутри общества.

Становление самой теории модернизации, раскрывающей сущность так называемого «модернизационного» процесса и критерии его завершения, произошло в конце 50-х – середине 60-х гг. К этому времени сложился первый вариант концепции модернизации, возникшей на стыке различных наук, причем значительный вклад в формирование оригинальной концепции модернизации внесли не столько социологи, сколько экономисты. Особое значение имела работа Ростоу «Стадии экономического роста», вышедшая в Великобритании в 1960 г. и имевшая характерный подзаголовок – «Некоммунистический манифест».

В рамках первой концепции модернизации все ее теории часто рассматривались как варианты теории «монолинейного развития», вестернизации мира, так как в их основу заложен принцип неизбежности капиталистического развития, характерный для развитых стран Запада.

Среди социологов и политологов отдельные положения теории модернизации обсуждались в 50-е гг. преимущественно американскими учеными. (Особо следует отметить работы Т. Парсонса и Э. Шилза.) Общим предположением в концепции модернизации периода 50-х гг. «служило то, что современность должна подорвать традицию во всем мире и что степень однородности обществ будет возрастать...» [Coser, 1974. P. 742].

В таком понимании теории модернизации часто являются вариантами теории «монолинейного развития», так как в их основу заложен принцип неизбежности капиталистической индустриализации и развития, характерных для развитых капиталистических стран производственных и общественных отношений.

Для интерпретации самого понятия модернизации американскими социологами

того периода была характерна акцентуация различных аспектов, связанных, во-первых, с рационализацией общественных отношений (условно говоря, «линия Вебера») и, во-вторых, с дифференциацией социальных институтов («линия Парсонса»). Кроме того, большинством ученых явно или неявно предполагалась экономическая и технологическая подоплека процесса, вплоть до того, что переход от традиции к современности фактически отождествлялся с переходом от аграрного общества к индустриальному (как в процитированном выше фрагменте Козера). В подобном понимании модернизация общества имеет три измерения: экономическое, социальное и политическое. В экономическом смысле она означает технизацию, индустриализацию, относительную потерю значения первичного сектора (сельского хозяйства) в сравнении с вторичным (промышленностью) и третичным секторами (сфера услуг). Этому соответствует социальное развитие: расширение шансов доступа к материальным и нематериальным благам, урбанизация, повышение социальной мобильности. Модернизация в политической сфере подразумевает, прежде всего, политическую мобилизацию и повышение участия граждан в политической жизни.

Начиная со второй половины 60-х гг. вышеописанное представление о модернизации стало все активнее подвергаться критике. В этом направлении действовало сразу несколько разнородных факторов. Прежде всего, были подвергнуты критике «европоцентристские» положения 50-х гг. При этом наибольший интерес вызвали различные аспекты этой концепции, связанные с так называемой «вторичной модернизацией», т. е. с приобщением к глобальному мировому сообществу «развивающихся» стран. Большинство этих обществ сталкивается в процессе модернизации со значительными трудностями социального характера. Указывалось на то, что модернизация в различных частях мира может идти различными путями, не обязательно повторяя европейский опыт. Таким образом, ставился под сомнение тезис о постепенном нарастании однородности обществ, так называемая «теория конвергенции» (обзор этой темы см.: [Moore, 1979]).

На протяжении 70–80-х гг. происходило дальнейшее отступление от изначальных методологических схем. При этом дискуссия

постепенно смещалась с обсуждения взаимоотношений «традиции» и «современности» в сторону цивилизационного подхода. С одной стороны, многими исследователями утверждалось, что общества прошлого имеют настолько различный социальный облик, что объединять их в рамках единого понятия «традиционного общества» можно лишь чисто механически. «Традиция слишком разнородна, чтобы ее можно было использовать как продуктивную аналитическую концепцию», – писал один из наиболее видных теоретиков этого периода С. Хантингтон. [Huntington, 1978. P. 41].

С другой стороны, и понятие «современность» перестало удовлетворять западных исследователей. Во-первых, по мнению многих из них, различные модели модернизации и, соответственно, ее результаты слишком неодинаковы (см.: [Rudolph, 1979]). Во-вторых, все большее число ученых начинает разрабатывать концепцию постмодерна, в которой одной из основных тем является критика понятия прогресса как такового. Но если исчезают и отправная точка движения (традиция), и конечный пункт назначения (современность), то и само движение превращается в иллюзию. Исходя из этого, западные теоретики все чаще настаивают на равноправности всех форм общества, каждое из которых идет своим собственным путем к собственной цели. «Становятся ли все общества похожими друг на друга? На этот вопрос мы можем ответить: да, становятся более похожими, чем они были раньше, но отнюдь не в смысле одинаковости конечного пункта их развития». [Moore, 1979. P. 151]. При этом разнообразные исторические коллизии в странах третьего мира на протяжении последних нескольких веков трактуются не как распространение общей тенденции развития, сначала на Западе, а потом и в других регионах, а как «столкновение цивилизаций», бывших до этого разъединенными [Хантингтон, 1998]. Но при таком подходе исчезает какое бы то ни было основание для сопоставления событий в различных регионах, каждая страна становится неповторимым явлением, с собственной историей и с собственными законами развития. Утрата предмета обсуждения неизбежно сказалась на интенсивности дискуссий.

Только в 90-е гг., после революций в странах Восточной Европы и распада СССР на-

чалось некоторое возрождение интереса к проблеме, и наметилась тенденция к осмыслению в рамках теории модернизации также и процессов в бывших социалистических странах [Darendorf, 1990].

При этом многие современные исследователи в некотором смысле вернулись к той простой формулировке теории модернизации, которая была выработана в 50-е гг. Признавая многое из того, что говорилось критиками в адрес концепции модернизации, эти авторы тем не менее полагают, что огромное разнообразие модернизационного опыта и культурных форм, существующих в современном мире, не снижают плодотворности модернизационного подхода к новой и новейшей истории человечества на теоретическом уровне. Так, например, П. Бергер (один из наиболее активных сторонников теории модернизации в современной западной социологии), защищая теоретические построения Ростоу от его позднейших критиков, указывает, что недостатком точки зрения той эпохи являлся не европоцентризм и не пренебрежение фактической сложностью изменений в современном мире, а всего лишь некоторый избыток оптимизма относительно быстроты и гладкости процесса модернизации в третьем мире [Бергер, 1994. Гл. 6].

В нашей стране идеи, связанные с теорией модернизации, получили распространение с большим запозданием. Тем не менее в постсоветский период в отечественной литературе оформилось два основных направления, в русле которых ведется дискуссия вокруг проблем модернизации в России. К первому можно отнести работы, заимствующие западную терминологию и пытающиеся проанализировать с этих позиций нынешнюю ситуацию в стране. Здесь важным выводом, на наш взгляд, является представление о том, что общественное устройство может быть изменено сознательными усилиями, в связи с чем, например, высказываются те или иные претензии или пожелания руководству страны. «Решение (социально-экономических проблем) составляет фундамент для подлинной модернизации общества, а не для ее имитации, к чему... привел реформаторский курс...» [Беляева, 1997. С. 17].

Второе направление сформировалось не столько из заимствования современных западных концепций, сколько из переосмысления традиционного для отечественной об-

щественно-политической мысли вопроса о положении России по отношению к Западу и Востоку. Эта линия развивалась скорее силами историков и социальных философов, нежели собственно социологов. Характерным отличием сформировавшегося на этой основе направления является попытка увязать проблему модернизации российского общества с «русским национальным характером» (своего рода «почвеннический» подход).

Наиболее серьезной работой этого направления на сегодняшний день является фундаментальный труд А. С. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта», вышедший в 1991 г. Три тома, вошедшие в эту работу, охватывают большую часть отечественной истории, которую автор трактует в рамках собственной оригинальной культурно-исторической концепции. Суть рассуждений А. С. Ахиезера сводится к тому, что Россия, встав еще с допетровских времен на путь «догоняющей», по отношению к Европе, модернизации, оказалась в своего рода эволюционном тупике, связанном с наличием перманентного «раскола» (по терминологии Ахиезера) внутри общества. Фактически, как считает автор, в России сформировалось два общества, имеющих резко отличающуюся культуру и социальные ценности. В результате поэтапное эволюционное развитие оказалось заблокированным, а попытки продвинуться по пути модернизации циклически приводили к тому, что Ахиезер называет «инверсией», т. е. резкой сменой социально-культурных ориентиров. Инверсия – это моментальное «переосмысление того или иного явления как зла, что является одновременным отходом от осмысления его как добра, и наоборот». В отличие от этого, европейский тип эволюции Ахиезер склонен ассоциировать с «медиацией», т. е. с тенденцией к социальным и культурным компромиссам.

Таким образом, модернизация в рамках данного направления рассматривается если не как сугубо российский опыт, то – во всяком случае – как процесс, причины, внутренняя логика развития и конечная цель которого имеют автохтонную природу. При этом, даже в тех случаях, когда провозглашается принципиальное единство оснований модернизации, неявно предполагается, что весь остальной мир мало чему может «научить» россияне, так как Россия с ее богатой историей предстает неповторимым и уникаль-

ным явлением, имеющим собственные законы развития. И такой «почвеннический» подход опять-таки неявно предполагает наличие возможностей для сознательного выбора «российского пути».

Как мы отмечали выше, наши исследования показали, что традиционное общество под влиянием модернизации может эволюционировать в некие промежуточные формы, которые обладают способностью к относительно устойчивому воспроизводству. Действительно, как показывает анализ практических исследований, следствием модернизации часто является не слом, а трансформация социальной системы общества. Развитие стран по модели «догоняющей» модернизации изменяет цели, средства и способы функционирования социальной системы, приводя, таким образом, социальную систему страны в особое состояние, формируя специфическое сознание и поведение людей, специфические социальные адаптационные реакции, и сопровождается как появлением новых социальных феноменов, так и возрождением традиционных социальных отношений (феномен вторичной архаизации социальных отношений).

Современные исследователи, обращающие более пристальное внимание на модернизационные процессы, вновь и вновь поднимают вопросы о сочетании «модернизированных» и «традиционных» форм в современном обществе (учитывая при этом и цивилизационные различия между странами) и о возможности единой теории модернизации, намечающей единый вектор развития для различных обществ.

Преобладающей стратегией развития большинства постсоветских государств в силу ряда причин оказалось модернизационное развитие «догоняющего» типа. Стоит отметить, что все новые независимые государства к моменту образования уже имели специфический модернизационный опыт – речь идет об опыте, полученном в «советский» период их развития. Интерпретация советского опыта как «модернизационного» оправдана схожестью двух «альтернативных» моделей развития – капиталистического мира Запада и «социалистического лагеря»: несмотря на существующие между ними политические различия, их сутью являются индустриализация и создание индустриальной культуры, обеспечивающие усло-

вия для повышения уровня жизни людей и их благосостояния и основанные на ярко выраженном стремлении к рационализации.

Рассуждая о выборе социально-экономического курса для постсоветских государств, необходимо учитывать, что конечная цель модернизационных реформ – создание механизмов рыночной экономики и демократически-правовой государственности – не была полностью достигнута, и это является важным для понимания специфики трансформационных процессов в постсоветских государствах. Уже к середине 90-х наметились первые признаки формирования типологически своеобразных, устоявшихся режимов, по своему характеру являющихся квазирыночными и квазидемократическими, что, в свою очередь, обусловило специфические черты в формировании стратегий социальной адаптации населения постсоветских государств.

В целом модернизационные изменения в постсоветских государствах определяются двумя основными факторами: во-первых, общими закономерностями трансформации традиционных национальных обществ в условиях возрастающего воздействия современной индустриальной культуры; во-вторых, влиянием формирующихся рыночных отношений, обуславливающих радикальное преобразование сложившегося образа жизни населения. В результате эти модернизационные изменения являются крайне противоречивыми и имеют нелинейный характер. В то же время модернизационные процессы инерционны, и, следовательно, модернизация сама по себе не гарантирует движения общества к сплочению и интеграции.

Неформализованный подход к изменению общества и государства делает необходимым изучение всех значимых аспектов изменения общества, выступающих факторами модернизации: национально-государствен-

ного, цивилизационного и геополитического. Таким образом, исследование современных социально-экономических изменений, происходящих в постсоветских государствах, должно осуществляться в рамках полипарадигмального подхода, объединяющего несколько научно-исследовательских парадигм, каждая из которых позволяет изучить различные аспекты трансформационных изменений на постсоветском пространстве.

Список литературы

Беляева Л. А. Социальная модернизация в России в конце XX века. М.: ИФРАН, 1997.

Бергер П. Капиталистическая революция: 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. М.: Прогресс, 1994.

Дарендорф Р. Письмо польскому другу // Путь. 1994. № 3. С. 24–28.

Хантингтон С. Модернизация и вестернизация // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 480–481.

Шмаков В. С. Процессы социальной модернизации на постсоветском пространстве: методология исследования // Северный регион: наука, образование, культура. 2006. № 1. С. 107–111.

Coser L. A. Review of «Tradition, Change and Modernity» by S. N. Eisenshtadt // Science, 1974. Vol. CLXXXIII. P. 742.

Darendorf R. Reflections on the revolution in Europe. N. Y.: Times Books, 1990.

Huntington S. The change to change: modernization, development and politics // Analysing Third World. Boston, 1978. P. 9–61.

Moore W. E. World modernization: the limits of convergence. N. Y.: Elsevier, 1979.

Rudolph S. Beyond Modernity and Tradition // Tradition and politics in South Asia. New Delhi: Vikas, 1979. P. 14–16.

Материал поступил в редколлегию 21.06.2007